
На линию фронта ходили трамваи,
За линию фронта маршрутки ходили.
Дончане тем летом так много узнали
О людях, о жизни, о Боге, о мире...

Военные будни — с учебой, работой,
Но кто-то вернется с работы усталый,
А кто-то, в историю канувший кто-то,
Уже не придет... Все начнется сначала:

Его фотографии — детям и внукам,
А может, чужим чьим-то внукам и детям
Когда-то расскажут о боли, разлуках,
И то, если кто-то их все же заметит...

Их много — попавших промеж жерновами,
Не звавших, не ищущих бури и «града»,
Их много — они просто не сознавали,
Что смерть и разруха — так близко и рядом.

Так близко и рядом — безумье нацизма,
Его беснованье, зловонье дыханья —
Оно вдруг вошло в наши мирные жизни
Тенями на стенах сожженного здания.

Вошло навсегда, как в сороковые,
Отметиной в судьбах родных и далеких
Раненья — осколочные и пулевые,
Последние письма, последние строки...

Все это, из ранее павшего в Лету,
Внезапно вернулось сплетением свастик.
Донбассу военные осень и лето
Цинично вручили нацистские власти...

Донецкая зимняя

Этот город, в котором поется и дышится так,
Как, пожалуй, нигде в моей жизни еще не дышалось,
Славный город, для многих друзей — негасимый маяк,
В твоей общей судьбе наших судеб немало смешалось.

Средь жемчужных степей и зеленых фруктовых садов,
Рукотворных вершин твоих сопок — твоих терриконов
Ты живешь — ты мечтаешь о мире, но все же готов
И в бою отстоять своей чести святы законы.

Город стойкий и сильный, Донбасса святая святых —
Мой Донецк, моя боль и мечта, озаренная светом.
Ты под снежным покровом сегодня устало притих —
Чтобы, все пережив, расцвести уже будущим летом.

Я сегодня опять прогуляюсь по тропкам твоим —
По бульвару пройду, под пушистую шапку снежной,
Чтоб еще раз впитать и навек его сделать родным —
И тебе передать свою веру, отвагу и нежность...

Семь лет...

Мой мальчик, ты больше не веришь в Мессию,
Ты больше не ждешь справедливости высшей
Но веришь по-прежнему: все же Россия
Твой город родной — от асфальта до крыши.

Твой город, лицо у которого в шрамах,
И тело — в воронках, и стены — в ожогах,
Твой город, чья жизнь — непрерывная драма,
А то и трагедия, молит у Бога

Подать тишины, словно манны небесной.
Создатель, ну разве так трудно услышать
Все наши молитвы? Тебе же известно,
Как горечью дни напоенные дышат,

Как слушают люди «входящих» раскаты,
Как сердце сжимается — ждет похоронки,
И снова уходят в окопы ребята,
И снова на детской площадке — воронки...

Семь лет каждый день раздаются молитвы,
Призывы, и просьбы, и злые угрозы.
Семь лет ждут солдаты решающей битвы,
Семь лет на могилах сажаются розы...

А дни истекают кровотечением,
И город стоит, и стоят часовые,
Сияет закат своим светом вечерним.
И он не в России, пока не в России...